

DOI: 10.31696/S086919080036173-7

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИРИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ
ОБЩИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.
ЧАСТЬ I: СКОЛЬКО ХРИСТИАН БЫЛО В СИРИИ В 2000-х гг.?

© 2025

Т.А. БОКОВ ^а^а – НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8477-6639; tbokov@hse.ru

Резюме: В настоящей статье рассмотрена демографическая динамика сирийской христианской общины в 1943–2000 гг., понимание которой важно как для более точного анализа истории самого этого сообщества, так и для углубления наших представлений о социально-политических процессах, происходивших в означенный период в Сирии. Показано, что оценки численности христиан САР в 2000-х гг. существенно разнятся (от 3% до 12% от всего населения). Изучен большой массив данных, в том числе практически не используемых исследователями, таких как сведения Римской курии, Антиохийской Православной и Сирийской (Сиро-Яковитской) Православной Церквей. Установлено, что все эти сведения, хотя и имеют разные источники, демонстрируют высокую степень корреляции друг с другом. При известных расхождениях они фиксируют один и тот же тренд для большинства христианских деноминаций страны в период с 1940-х по 2000-е гг.: увеличение их численности при снижении доли в общем составе населения. Отмечено, что причинами этой тенденции стали более низкая, чем у мусульман, рождаемость и ускоренные темпы эмиграции. Выявлено несоответствие этому тренду крупных общин православных антиохийцев и сиро-яковитов, доля прихожан которых в общем населении страны, согласно имеющимся данным, за рассматриваемый период фактически не изменилась. Выдвинуто предположение, что это несоответствие должно быть объяснено либо неучётом эмигрантов, либо намеренным завышением данных с целью укрепления позиций Церквей в стране и за рубежом. Показано, что даже согласно имеющейся официальной статистике местных Церквей, количество христиан в Сирии в 2000-е гг. составляло порядка 1,75 млн человек, т. е. ок. 8% от всего населения, а не 10–12%, как ранее считалось значительной частью исследователей. Сделан вывод, что в реальности доля христиан в конфессиональном составе сирийского общества, скорее всего, была ближе к 6%.

Ключевые слова: Сирия, арабы-христиане, Антиохийская Православная Церковь, восточнокатолические церкви, демография

Для цитирования: Боков Т.А. Демографические процессы в сирийской христианской общине во второй половине XX – начале XXI вв. Часть I: Сколько христиан было в Сирии в 2000-х гг.? *Восток (Oriens)*. 2025. № 5. С. 167–178. DOI: 10.31696/S086919080036173-7

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE SYRIAN CHRISTIAN COMMUNITY,
SECOND HALF OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURY.
PART I: HOW MANY CHRISTIANS WERE THERE IN SYRIA IN THE 2000s?

© 2025

Timofey A. BOKOV ^a^a – HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8477-6639; tbokov@hse.ru

Abstract: This article examines the demographic dynamics of the Syrian Christian community in 1943–2000, which is important for clarifying our understanding of the socio-political processes in the country during that period. It is noted that estimates of the Christian population of Syria during the 2000s vary significantly, ranging from 3% to 12% of the total population. A number of sources has been analyzed, including those rarely used by the scholars (like Roman Curia, Antiochian Orthodox and Syriac Orthodox Churches' data). This data shows strong correlation with one another, demonstrating the same general trend for most of the Syrian Christian communities: an overall increase in numbers, accompanied by a decrease in their share of the total population. This trend is explained by a lower birth rate compared to that of Muslims and higher rates of emigration. The article also reveals the discrepancy in Antiochians' and Syriacs' data, whose share in the Syrian population, according to their own sources, did not change during the reviewed period. This anomaly may be either due to the failure to account for emigrants or to deliberate inflation of the data by the leadership of these communities in order to strengthen their standing both within and outside the country. Even according to the available local Churches' official data, the number of Christians in Syria in the 2000s was approximately 1.75 million, or about 8% of the population, rather than the 10–12% previously estimated by many researchers. Meanwhile the real share of Christians was likely even lower, about 6%.

Keywords: Syria, Arab Christians, Antiochian Orthodox Church, Eastern Catholic Churches, demography

For citation: Bokov T.A. Demographic Processes in the Syrian Christian Community, Second Half of the 20th – Early 21st Century. Part I: How Many Christians Were There in Syria in the 2000s? *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 5. Pp. 167–178. DOI: 10.31696/S086919080036173-7

На протяжении XX в. этноконфессиональный фактор был одним из ключевых в истории Сирийской Арабской Республики (САР)¹. В частности, в политической культуре САР новейшего времени важное место занимает сформировавшаяся ещё в период французского мандата (1920–1946) идея о том, что уровень влияния той или иной этноконфессиональной группы населения должен определяться прежде всего её численностью. Так, ещё с 1930-х гг. христиане неизменно имели 1–3 министерских портфеля, что примерно соответствовало их доле в составе населения [Abdo, 2002, p. 109–112]. А вот представители меньших по размеру общин, например исмаилитов, становились членами правительства лишь от случая к случаю. В то же время одним из главных доводов оппозиционно настроенной части суннитской общественности в пользу нелегитимности правления Хафеза и Башара Асадов, которые последовательно стояли во главе государства в 1970–2024 гг., была их принадлежность к алавитской общине, численность которой не превышает 15% от населения страны².

¹ Его роли посвящена обширная научная литература [Сарабьев, 2017; 2021; Van Dam, 2011; White, 2011] и пр.

² Конечно, говорить о том, что все представители сколько-нибудь крупной этноконфессиональной группы

Приход к власти в Сирии в декабре 2024 г. радикальных исламистов поставил под угрозу само существование несуннитских общин страны и тем более – их представленность в политическом пространстве. Речь, конечно, идёт в первую очередь об алавитях, но также и о христианах³, к которым многие сунниты относятся резко отрицательно, считая их, всех скопом, одной из опор *ancien régime*: вспомнить хотя бы печально знаменитый лозунг сирийской т. н. арабской весны «Алавитов – в гроб, христиан – в Бейрут!». Стоит признать, что такие взгляды распространены на суннитской «улице» небезосновательно. В историографии также утвердилось мнение (в целом, на мой взгляд, правильное) о том, что христиане являлись одной из наиболее лояльных баасистам⁴ групп населения, поскольку видели в них гарантию недопущения к власти исламистских сил⁵ [Hazran, 2019, p. 197; Loosley, 2008, p. 28; Siriani, 2018, p. 105, 107; Van Dam, 2011, p. 133 и т.д.]. Исходя из сказанного, можно утверждать, что верное понимание демографических изменений в христианской общине САР необходимо для улучшения наших представлений не только о ней самой, но и о происходивших в стране общественно-политических процессах, включая трансформацию социальной базы правительств Хафеза и Башара Асадов.

Несмотря на важность данной темы, мы до сих пор имеем лишь довольно приблизительное представление о национальном и религиозном составе общества Сирии как в прошлом столетии, так и на настоящем этапе. Такая ситуация обусловлена высоким уровнем политизации этноконфессиональной проблематики и её фактического табуированности в общественно-политическом пространстве САР в последние десятилетия. Так, например, вопросы этнической и религиозной принадлежности граждан не ставились в переписях населения после 1960 г. За редкими исключениями, которые будут рассмотрены в этой статье, не публиковало подобных сведений и руководство местных христианских общин.

Официальная статистика по этноконфессиональному составу сирийского общества собиралась сначала французской колониальной администрацией, а затем республиканскими властями вплоть до 1960 г., когда пункт «вероисповедание» в последний раз присутствовал в переписных листах. При этом до 1956 г. включительно данные выдавались с разбивкой по деноминациям⁶, а в переписи 1960 г. все христиане были посчитаны сообща. Аналогичная информация для последующего периода носит неофициальный характер и встречается довольно редко. Мне известны лишь сведения авторитетного проекта «*World Christian Databases*»⁷ (WCD) за 1970, 2000, 2005 и 2010 гг., а также подсчёты за 1978 г., приводимые без ссылок на источники С. Абдо. Все имеющиеся в нашем распоряжении сведения суммированы в таблице 1.

могут иметь общие политические устремления, не приходится. Среди тех же алавитов Сирии было немало людей, находившихся в оппозиции Хафезу, а затем Башару Асаду. В этом смысле я полностью согласен с выдвинутым А.В. Сарабьевым тезисом о недопустимости «абсолютизации» конфессионального компонента при анализе внутривнутриполитического процесса в САР [Сарабьев, 2021, с. 146–147]. При этом игнорировать подобный подход тоже нельзя хотя бы потому, что он активно используется самими сирийцами в политической сфере.

³ При Хафезе и Башаре Асадах представители основных религиозных течений, в т.ч. и христиане, были неизменно представлены в Народном совете (парламенте), правительстве и других органах власти.

⁴ Партия «Баас» находилась у власти в Сирии в 1963–2024 гг. К ней принадлежали Хафез и Башар Асад.

⁵ Естественно, не все христиане солидаризировались с баасистскими властями. Среди них встречались довольно известные оппозиционеры, но они всё же были исключением из общего правила.

⁶ По крайней мере, данные за 1956 г. – последние, которые мне удалось найти. Сирийский исследователь Самир Абдо также характеризует их как последние опубликованные [Abdo, 2000, p. 55].

⁷ Ведётся сотрудниками Центра изучения мирового христианства при Богословской семинарии Гордон-Конвелл (США). Сайт проекта (<https://www.worldchristianDATABASE.org>) аффилирован с Интернет-платформой издательства «Brill». База носит закрытый характер, доступ, как правило, предоставляется на платной основе. За возможность работы с ней я глубоко признателен издательству «Brill», Библиотеке НИУ ВШЭ и лично заместителю директора библиотеки В.В. Пислякову.

Таблица 1. Изменение численности христианских общин Сирии в 1943–2010 гг.

	1943	1950	1953	1956	1960	1970	1978	2000	2005	2010
Антиохийская Православная Церковь	136957	153886	168747	181750	344621	250000	330000	675000	750000	825000
Сирийская (Сиро-Яковитская) Православная Церковь	40135	44971	51363	55343		81000	100000	200000	230000	250000
Антиохийская Греко-Католическая Мелькитская Церковь	46733	51493	55880	60124		179506	85000	335505	367130	408500
Маронитская Католическая Церковь	13349	15112	16530	19291			35000			
Римская Католическая Церковь	5996	6348	6749	7079			5000			
Сирийская Католическая Церковь	16247	18127	19738	20716			40000			
Халдейская Католическая Церковь	4719	5116	5492	5723			5000			
Армянская Католическая Церковь	16700	18010	19492	20637			180000			
Армянская Апостольская Церковь	101747	107251	110594	114041		112000		216000	240000	250000
Ассирийская Церковь Востока	9176	10181	11167	11760		20000	30000	48000	50000	52000
Протестанты	11187	12661	13209	12535		21553	15000	36596	37470	40528
ИТОГО	402946	443246	478961	508999	344621	664059	825000	1511101	1674600	1826028
ИТОГО % ⁸	13,13%	12,99%	12,98%	12,62%	7,53%	10,46%	9,9%	9,21%	9,12%	8,55%

Источники данной таблицы: 1943 [Hourani, 1947, p. 76]; 1950, 1956, 1978 [Abdo, 2000, pp. 53, 55]; 1953 [De Vaumas, 1955, p. 75]; 1960 [Samman, 1955, p. 9]; 1970, 2000, 2005, 2010 [WCD, 2025].

⁸ Для сохранения консистентности доля христиан высчитывается на основании данных о населении Сирии, размещённых на Интернет-портале www.statista.com, которые весьма точно соотносятся со сведениями, приводимыми в различных исследовательских работах об обществе страны в рассматриваемый период.

Если мысленно «отбросить» данные за 1960 г., то вырисовывается следующая тенденция: количество христиан Сирии растёт, однако их доля в общем населении страны постепенно уменьшается. Этот тренд отчётливо виден уже на начальном отрезке (1943–1956), хотя и выражен относительно нерельефно – христиане в этот период «теряют» всего 0,51%. Далее происходит уже гораздо более серьёзный «провал»: в период с 1956 по 1978 г. общее снижение численности христиан составляет 2,72%, т. е. в среднем 1,2% за десять лет⁹. Данный феномен, характерный и для соседнего Ливана, весьма схожего с САР в плане социальных процессов, был хорошо известен исследователям ещё по крайней мере с 1970-х гг. и должен быть объяснён двумя факторами: уровень рождаемости у сирийских христиан был ниже, чем у мусульман, а темпы эмиграции за рубеж – выше¹⁰ [Samman, 1978, p. 10–11]. Наконец, в 2000-е гг., которые нам известны только по данным «*World Christian Database*», снижение составляет 0,66%. При этом данные переписи 1960 г. явно выбиваются из общей картины, ведь получается, что всего за четыре года христианская община сократилась почти на треть (165 тыс. человек)! Объяснить этот статистический «кульбит», как представляется, можно лишь изменениями в методологии сбора сведений, однако у нас нет точной информации о том, как именно он был организован в 1960 г. и ранее. Вероятно, именно из-за резкого контраста этих подсчётов со всей остальной статистикой впоследствии большинство специалистов их фактически игнорировали.

С учётом отсутствия современной официальной статистики и противоречивости имеющихся данных неудивительно, что к 2000-м гг. в международном научно-аналитическом сообществе возникло несколько принципиально различных точек зрения относительно доли христиан в обществе САР на тот период времени, ни одна из которых пока что не получила всеобщего признания. Крупные государственные институты, такие как Государственный департамент США [U.S. Department of State, 2010]; некоммерческие организации, например, «*Open Doors International*» [Open Doors, 2013, p. 9], а также многие исследователи [Ashdown, 2021, p. 49; Besenyo, 2014, p. 222; Chapman, 2013, p. 103; Mousalli, 2005, p. 292; Rabst, 2014, p. 41; Rabo, 2012, p. 80] полагают, что христиан в Сирии тогда было примерно 10–12%. Несколько более сдержанную позицию занимают С. Абдо, оценивший в 2002 г. долю христиан в стране в 7,6% [Abdo, 2002, p. 59], и «*World Christian Database*», по мнению авторов которой численность христиан за 2000-е гг. снизилась с 9,21% до 8,55% (см. таблицу 1), а также – в неформальных беседах – некоторые лидеры христианских общин [Loosley, 2008, p. 163] и отдельные видные исследователи современного ближневосточного христианства [McCallum, 2012, p. 11; O'Mahony, 2018, p. 79]. Часть исследователей «сдвигает» оценку ещё ниже. В 2001 г. французский арабист-демограф Филипп Фарг определил численность всех немусульман¹¹ Сирии как 6,4% [Fargues, 2001, p. 106]. Впоследствии эта точка зрения, с незначительным вариациями, воспроизводилась и другими исследователями [Poujeau, 2015, p. 139; Robson, 2011, p. 113]. Этот же диапазон – 6–8% – называет и сириец Разек Сириани [Siriani, 2018, p. 105]. Наконец, существуют и совсем «пессимистичные» мнения. Ещё в 2010 г. французский автор арабского происхождения Салам Кавакиби утверждал: «согласно недавнему неопубликованному исследованию, доля христиан в си-

⁹ Характерно, что начало этого «обрушения» приходится на первые годы «взрывного» роста численности населения страны, которое в период с 1960 по 1980 г. увеличилось вдвое – с 4,5 млн до 9 млн человек (притом, что предыдущее удвоение заняло 40 лет). Таким образом, очевидно, что основная прибавка, как и в Ливане, давалась мусульманской компонентой общества.

¹⁰ Политико-экономические причины этой волны эмиграции сирийских христиан хорошо показаны в недавней статье израильского исследователя Юсри Хазрана [Hazran, 2019, p. 197–199].

¹¹ Фактически, это оценка именно христианского сообщества, т. к. в рамках такого подхода алавиты, друзы, езиды и т. д. очевидно считаются мусульманами, а иудейская община Сирии к 2000-м гг. насчитывала в лучшем случае несколько сотен человек.

рийском обществе упала до 4,6%. А некоторые клирики заявляют: “Нас не больше трёх процентов”», объясняя это снижением высокими темпами эмиграции по экономическим мотивам [Kawakibi, 2010]. С ним соглашались и некоторые другие исследователи [Fahmi, 2012, p. 15].

Рассматриваемая проблема стоит настолько остро, что дело иногда доходит до курьёзов. Так, во французской коллективной монографии 2007 г. «Современная Сирия. Размышления об обществе» один из редакторов Юсеф Курбаж в предисловии к разделу об обществе говорит о 5,3% христиан в Сирии в 2004 г. [Courbage, 2007, p. 189], в то время как автор вступительной статьи к разделу о религии Пауло Пинто – о 14% на момент публикации [Pinto, 2007, p. 325]. Другой пример: как уже было показано в табл. 1, по оценкам *WCD*, редакторами которого являются Тодд Джонсон и Джина Цурло, в 2010 г. в Сирии проживало ок. 1,8 млн христиан, составлявших примерно 8,55% от всего населения. Однако эти же авторы в одной из своих статей ссылаются на принципиально иные данные для того же года «сестринского» онлайн-проекта издательства Brill «*World Religion Database*»: 5,2% от всего населения (ок. 1,1 млн человек) [Johnson, Zurlo, 2014, p. 44].

Попробуем разрешить эту проблему с привлечением дополнительных источников. Прежде всего обратимся к статистике Римской курии по количеству последователей восточнокатолических Церквей¹² в САР, которая приводится в ежегодных справочных сборниках «*Annuario Pontificio*»¹³. Эти же данные выборочно публикуются на одном из официальных ватиканских интернет-порталов [The Hierarchy, 2025]. По не вполне ясным причинам этот очевидно важный и, главное, вполне доступный источник достаточно редко используется исследователями. Так, ссылок на него нет ни в цитированных выше современных англо-, арабо- и франкоязычных работах о сирийских христианах, ни в известных мне профильных русскоязычных работах [Анищик, 2017; Труевцев, 2018]. Исключение составляет лишь уже упомянутая «*World Christian Database*».

Построим графики изменения числа последователей четырёх восточнокатолических церквей (без учёта армян-католиков, по которым у нас нет сведений за 1978 г.) за периоды с 1943 по 1978 гг. по данным из таблицы 1 и с 1980 по 2009 г. – по «*Annuario Pontificio*» и сравним их (см. графики 1–2).

Необходимо отметить, что данные, использованные С. Абдо в его таблице за 1978 г., и сведения из «*Annuario Pontificio*» за 1980 г. совершенно точно имеют разные источники. Так, например, по информации Римской курии, число мелькитов в 1980 г. составляло 127,7 тыс., тогда как у С. Абдо их количество в 1978 г. равнялось 85 тыс. Значительные колебания, но уже в обратную сторону, наблюдаются также по сиро-католикам и маронитам. Вместе с тем общее количество прихожан четырёх церквей за 1978 и 1980 гг. вполне соотносимо друг с другом – 165 и 187 тыс. соответственно. Кроме того, важно отметить, что в ватиканской статистике для четырёх церквей мы наблюдаем тот же тренд, что фиксируется и всеми другими источниками – численность их паствы растёт, однако её процент в населении страны уменьшается (см. график 3):

Подчеркну: я ни в коем случае не утверждаю, что приведённые выше сведения точны. В конце концов, они имеют три разных первоисточника – одни официально собраны сначала французской колониальной администрацией, а затем – властями независимой Сирии;

¹² Греко-Католическая (мелькитская), Маронитская, Халдейская, Армянская Католическая и Сиро-Католическая церкви.

¹³ Мне удалось получить доступ к одному «живому» папскому справочнику – за 1998 г. [Annuario, 1998] (за это я глубоко признателен Отделу внешних церковных связей Русской Православной Церкви и лично архимандриту Филиппу (Васильцеву) и С.Г. Алферову). Для всех остальных дат на этом графике использованы данные с упомянутого интернет-портала. Собственно, выбор «реперных точек» обусловлен тем, что на этом сайте для них есть полная информация.

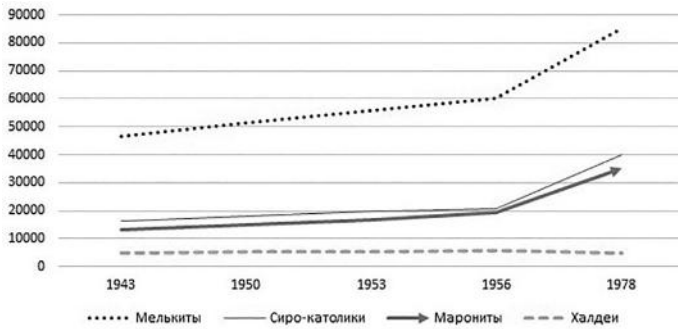

График 1. Изменение численности приверженцев восточнокатолических церквей Сирии в 1943–1978 гг.

Graph 1. Changes in the number of Eastern Catholic Churches adherents in Syria in 1943–1978. Sources: [Hourani, 1947, p. 76; Abdo, 2000, p. 53, 55; De Vaumas, 1955, p. 75; Samman, 1955, p. 9; WCD, 2025].

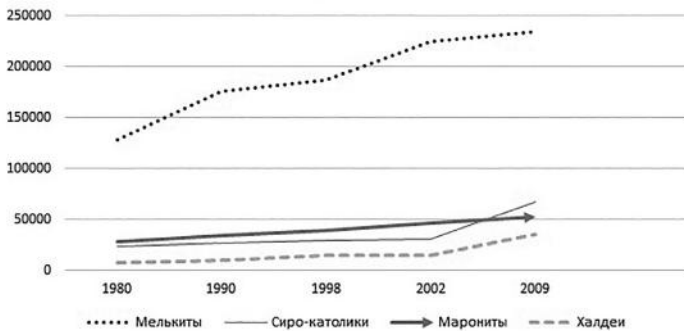

График 2. Изменение численности приверженцев восточнокатолических церквей в Сирии в 1980–2009 гг.

Graph 2. Changes in the number of Eastern Catholic Churches adherents in Syria in 1980–2009. Sources: [The Hierarchy, 2025; WCD, 2025]

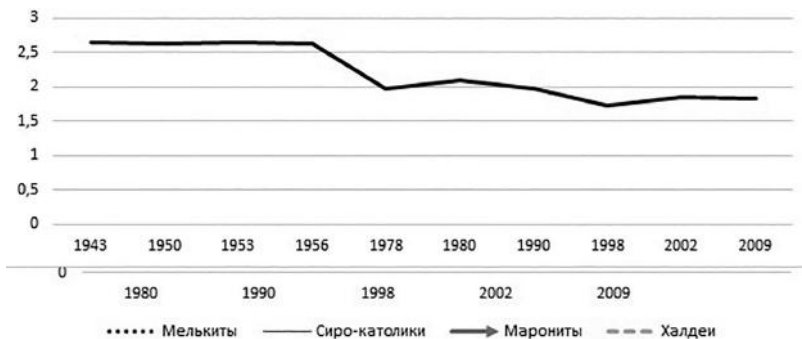

График 3. Изменение доли приверженцев восточнокатолических деноминаций в общем составе населения Сирии в 1943–2009 гг.

Graph 3. Changes in the share of adherents of Eastern Catholic denominations in the total population of Syria in 1943–2009. Sources: [Hourani, 1947, p. 76; Abdo, 2000, p. 53, 55; De Vaumas, 1955, p. 75; Samman, 1955, p. 9; The Hierarchy, 2025; WCD, 2025].

другие – Римской курией; наконец, происхождение статистики за 1978 г. вообще неизвестно¹⁴. Понятно, что как минимум часть их может быть либо просто неверна (в зависимости от методологии их сбора и уровня его организации), либо намеренно «скорректирована». Например, сирийские иерархи были очевидно заинтересованы в завышении реальной численности своей паствы для укрепления собственного авторитета как внутри страны, так и на международной арене, а также для привлечения большего объёма спонсорских средств из-за рубежа. Однако налицо корреляция этих трёх групп данных друг с другом: мы наблюдаем постоянный и в целом плавный¹⁵ прирост всех общин при одновременном снижении их доли в общем составе населения САР¹⁶. Причём оба эти тренда, как уже было отмечено, соответствуют имеющимся представлениям о демографическом развитии Сирии в указанный период (быстрый рост населения при увеличении в нём доли суннитской общины).

К сожалению, у нас нет ничего похожего на ежегодную статистику Римской курии для двух других крупных церквей САР – Антиохийской Православной и Сирийской Православной (Сиро-Яковитской). Однако нельзя сказать, что в их отношении мы вовсе лишены данных. Обратимся к сведениям, переданным этими церквями для публикации в справочном сборнике Всемирного совета церквей за 2006 г. Согласно им, численность антиохийских православных на Ближнем Востоке в тот момент равнялась 1,25 млн человек, а сиро-яковитов – 300 тыс. [World Council, 2006, p. 542–543]. Каноническая юрисдикция Антиохийской Православной Церкви на Ближнем Востоке, помимо Сирии, распространяется на Ливан, Турцию, Ирак и регион Персидского залива. Однако из всех этих стран только в Ливане имеется по-настоящему значимая православная община. По оценке Государственного Департамента США на 2007 г., она составляла 8% от общего населения, т.е. порядка 390 тыс. человек [U.S. Department of State, 2007; World Bank, 2025], а по данным *WCD* на 2005 г. – 180 тыс. Существует также и промежуточная оценка в 300 тыс. человек на 2006 г., высказываемая самими ливанцами [Monthly Magazine, 2013]. Её мы и примем за основную. Кроме того, согласно *WCD* в остальных странах Ближнего Востока (Ирак, Иран, Кувейт, ОАЭ и Турция) в 2005 г. насчитывалось ещё порядка 25 тыс. антиохийских православных. Следовательно, вычтя из 1,25 млн 325 тыс. православных других государств региона, можно предположить, что в САР, по оценкам Антиохийского Патриархата, проживало порядка 925 тыс. православных. Что касается сиро-яковитов, то в Египте, Израиле, Иордании, Ираке, Ливане, ОАЭ, Омане, Палестине, Тунисе и Турции на тот момент их было без малого 60 тыс. человек [WCD, 2025]. Таким образом, в САР сиро-яковитская община составляла примерно 240 тыс. человек¹⁷.

¹⁴ С. Абдо не называет источника своей статистики. Однако, с учётом её детализированности и соотносимости с предыдущими данными, мы вправе предположить, что она получена либо из какого-то государственного органа Сирии, собиравшего соответствующие сведения, либо непосредственно от иерархов церквей (это представить себе сложнее, так как, с учётом «щепетильности» темы, едва ли представители всех конфессий с такой готовностью пошли бы навстречу исследователю).

¹⁵ Нарушающие эту плавность две точки «взрывного» роста – на графике 1 в районе 1956 г. у всех общин, кроме халдеев, и на графике 2 в середине 2000-х гг. у сиро-католиков и халдеев – могут быть логически обоснованы. Первый случай должен быть объяснён началом уже упомянутого выше стремительного увеличения общего числа жителей Сирии. Второй – притоком в Сирию беженцев из соседнего Ирака после вторжения туда международной коалиции во главе с США в 2003 г.

¹⁶ На графике 3 мы видим, что в двух пунктах – в районе 1980 и 1998 гг. – наблюдается обратное движение. Первая из этих флуктуаций образуется на «склейке» двух разных групп использованных данных и должна быть объяснена этим. Природу второй установить сложнее. Скорее всего, дело в методологии сбора и подготовки данных, а не в реальных процессах «на земле». Так или иначе, общий вектор за выбранный период в любом случае налицо и подтверждается следующими точками – 2002 и 2009 гг.

¹⁷ Это число сиро-яковитов лишь незначительно отличается от приводимого «World Christian Database»

Сравним полученные (подчеркну: весьма приблизительные!) числа с данными за 1943 г.¹⁸ Тогда, как отмечено в Таблице 1, православных в Сирии насчитывалось 136957 человек, а сиро-яковитов – 40135. Получается, что с 1943 по 2006 гг. прирост этих общин составил 575% и 498% соответственно. При этом за схожий период – с 1943 по 2002 гг. (до значимого притока беженцев из Ирака) – паства четырёх рассмотренных выше восточнокатолических церквей выросла всего на 289%. В процентном же соотношении получается, что православные даже «прибавили» за эти шестьдесят лет (с 4,46% до 4,85%), а показатель сиро-яковитов снизился всего на 0,05% (с 1,31% до 1,26%). Чуть менее драматичную, но в целом аналогичную картину даёт и статистика «*World Christian Database*»¹⁹, согласно которой численность православных христиан в САР в период с 1970 по 2005 г. увеличилась с 250 до 825 тыс. человек (230%), а сиро-яковитов – с 81 тыс. до 250 тыс. (208%), в то время как католические общины вместе взятые прибавили лишь 128% (со 179,5 до 408,5 тыс.) [WCD, 2025].

Ещё одной статистически значимой христианской общиной Сирии являются армяне. В 1943 г. Армянская Апостольская Церковь насчитывала более 101 тыс. прихожан и была второй по численности в стране, более чем вдвое превосходя и мелькитов и тем более сиро-яковитов. Однако затем чётко обозначился вектор на уменьшение доли общины не только в составе населения страны в целом, но и в христианской среде в частности: уже к 1978 г. общее количество армян составляло 180 тыс.²⁰, тогда как мелькиты насчитывали 100 тыс., т. е. разрыв между этими двумя общинами существенно сократился. Несмотря на то, что у нас нет никакой точной информации для последующих лет, судя по всему, где-то на этом отрезке начинается уменьшение абсолютного числа членов общины. Имеется довольно много различных оценок количества армян, оставшихся в Сирии к концу 2000-х гг. Большинство из них располагается в диапазоне 50–100 тыс. человек [Петросян, 2024; 2023, с. 53]. Единственное значимое исключение – «*World Christian Database*», согласно которой только прихожан Армянской Апостольской Церкви в САР в 2005 г. было 240 тыс. [WCD, 2025]. Однако, поскольку источник этой оценки на сайте не указан, а сама она не встречается в других работах, включая и труды армянских исследователей, представляется правильным не принимать её в расчёт.

Мы видим, что из семи рассмотренных общин (антиохийские православные, сиро-яковиты, мелькиты, сиро-католики, марониты, халдеи, армяне-православные и армяне-католики) пять демонстрируют один общий магистральный тренд: заметное снижение их доли в общем населении страны (при существенном увеличении числа последователей в четырёх из пяти). А вот крупные сообщества антиохийских православных и сиро-яковитов идут вразрез с этой тенденцией: если верить приводимой ими же самими статистике, их процент либо вырос, либо остался практически неизменным (учтём поправку на то, что взятые нами за основу числа в 925 тыс. и 240 тыс. человек соответственно высчитаны

на 2005 г. (230 тыс., см. табл. 1). А вот оценки количества православных разнятся существенно – в базе приведено значение в 750 тыс. Я буду ориентироваться на свою оценку по двум причинам. Во-первых, в WCD отсутствуют прямые ссылки на источники (есть только общий список всех источников по всем странам), поэтому понять происхождение данных затруднительно. Во-вторых, даже если допустить, что авторы базы правы, выявленный мною ниже тренд – более быстрый прирост православных по сравнению с другими общинами – всё равно будет рельефен, просто составит не 557%, а 447%.

¹⁸ Здесь, конечно, встаёт вопрос о том, насколько точна статистика за 1943 г. Для уверенного ответа на этот вопрос у меня нет необходимых инструментов. Однако, исходя из уже отмеченной выше достаточно высокой степени корреляции имеющихся данных, включая соотносимость сведений за 1943 г. с числами последующего периода, полагаю, что их вполне можно взять за точку отсчёта.

¹⁹ WCD в данном случае точно использует не сборники Всемирного совета церквей, т.к. они выходили позже тех лет, за которые на сайте приведены данные по Сирии.

²⁰ Прихожан Армянской Апостольской и Армянской Католической Церквей.

довольно ориентировочно). Одной лишь приблизительностью выведенных нами чисел эту флуктуацию не объяснить – слишком уж она велика. Можно предположить, что уровень эмиграции в среде этих двух общин мог быть ниже, чем у других христиан, а рождаемость – выше. Однако никаких серьёзных данных, которые могли бы подтвердить эту версию, у нас нет. Более того, исследователи ещё начиная с 1970-х гг. отмечают значимый уровень эмиграции именно сиро-яковитов [Brock, 2010, p. 16–18; Samman, 1978, p. 10]. В таком случае необходимо рассмотреть и ещё одну гипотезу – намеренное завышение иерархами этих двух Церквей данных, переданных во Всемирный Совет Церквей для публикации, с тем чтобы не допустить возможного ущерба (политического, экономического, репутационного) от фактического признания снижения доли своих общин в составе сирийского населения. С технической же точки зрения подобная ситуация может быть объяснена спецификой ведения учёта верующих. Дело в том, что христианское духовенство САР выполняло (и продолжает выполнять) ряд функций органов ЗАГС, в т. ч. и регистрацию новорождённых и умерших. То есть у всех общин есть довольно точные, если не сказать исчерпывающие, данные о количестве своих прихожан. Однако отъезд за границу (тем более что самими эмигрантами он часто поначалу расценивается как временный), насколько мне известно, никак формально не фиксируется. Таким образом, имеющаяся у Церквей статистика, с учётом высоких темпов эмиграции во второй половине XX – начале XXI вв., априори должна быть существенно завышена. Другое дело, что приходские священники, в массе своей осведомлённые о реальной ситуации «на земле», при желании вполне могли скорректировать имеющиеся данные.

Итого, оперируя исключительно имеющейся официальной информацией, мы получим следующую приблизительную картину на середину 2000-х гг. Православные антиохийцы, сиро-яковиты и последователи пяти восточнокатолических Церквей насчитывали порядка 1,575 млн верующих. Прибавим 75 тыс. прихожан Армянской Апостольской Церкви (25 тыс. армян-католиков нами уже посчитаны)²¹ и получим 1,65 млн человек на восемь христианских деноминаций. Неучтёнными остаются католики латинского обряда, протестанты и приверженцы Ассирийской Церкви Востока, которые, вместе взятые, едва ли насчитывали более 100 тыс. [WCD, 2025]. Следовательно, мы можем заключить, что на тот период в САР проживало примерно 1,75 млн христиан, т.е. ок. 8,2% от общего населения в 21,36 млн человек.

При этом необходимо иметь в виду, что это – максимальное значение, базирующееся на сведениях, основания сомневаться в верности которых, как было показано, имеются, и весьма существенные. Повторюсь: разумно предположить, что данные по пастве Антиохийской Православной и Сирийской Православной Церквей серьёзно завышены. Если мы допустим, что на самом деле их прирост с 1943 г. по 2000-е гг. шёл примерно теми же темпами, что и у восточных католиков, т.е. не на 500–575%, а на ~300%, то получится, что к этому периоду их число составляло ~550 и ~160 тыс. соответственно. В этом случае всего христиан в Сирии было порядка 1,3 млн человек или 6,1%. Таким образом, реальная доля христиан в общем населении Сирии к 2010 г., по всей видимости, находилась в диапазоне между 6% и 8%, причём с большой долей вероятности – ближе к его нижней границе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анищик П.Ф. Проблемы применения статистических методов исследования современных преследований христиан на Ближнем Востоке. *Христианство на Ближнем Востоке*. 2017. № 2. С. 29–36

²¹ Чтобы несколько «компенсировать» решение не принимать во внимание данные «World Christian Database» о 250 тыс. прихожан Армянской Апостольской Церкви в Сирии в 2010 г., я беру верхнюю из остальных имеющихся оценок числа армян в САР на конец 2000-х гг. в 100 тыс. человек.

[Anishchuk P. Issues of Applying Statistical Methods in Research of the Modern Christian Persecution in the Middle East. *Christianity in the Middle East*. 2017. No. 2. Pp. 29–36 (in Russian)].

Петросян А.Г. Армяне Сирии: Община, структуры, организации. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 113–124 [Petrosyan A. Armenians in Syria: Community, Structures, Organizations. *Vostok. (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 113–124 (in Russian)].

Петросян А.Г. Демографические последствия сирийского конфликта для армянской общины Сирии. *Восточный курьер*. 2023. № 3. С. 50–60 [Petrosyan A. Demographic Consequences of the Syrian Conflict for the Armenian Community of Syria. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 50–60 (in Russian)].

Сарабиев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии. *Религия и общество на Востоке*. Вып. 1. Москва: ИВ РАН, 2017. С. 126–180 [Sarabiev A.V. Interfaith Relation Issues in Syria. *Religion and Society in the East*. Iss. 1. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 126–180 (in Russian)].

Сарабиев А.В. *Проблемы межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане (с начала периода независимости до конца XX в.)*. Диссертация на соискание учёной степени д. и. н. М.: Институт востоковедения РАН, 2021 [Sarabiev A. *Problems of Ethno-Confessional Relations in Syria and Lebanon (Since Independence to the late 20th century)*. DSc Thesis. Moscow: IOS RAS, 2021 (in Russian)].

Труевцев К.М. Этапы сирийского конфликта и перспективы исхода. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 16: *Арабский мир в русле текущей политики*. М.: ИВ РАН, 2018. С. 225–239 [Truevtsev K.M. The Syrian Conflict: Religious Slogans and Demographic Implications. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Iss. 16. Moscow: IOS RAS, 2018. Pp. 225–239 (in Russian)].

Abdo S. *Al-Masihyun al-suriyun qadiman wa-hadithan* [Сирийские христиане в прошлом и настоящем]. Дамаск: Дар Аля ад-Дин, 2000 [Abdo S. *Syrian Christians in the Past and Present*. Damascus: Dar Ala' al-Din, 2000 (in Arabic)].

Abdo S. *Al-masihyun fi Suriya 'ala 'atabat al-alf al-thalith* [Христиане Сирии на пороге третьего тысячелетия]. Дамаск: Дар Хасан Малайс ли-н-нашр, 2002 [Abdo S. *Syrian Christians on the Edge of the Third Millennium*. Damascus: Dar Hasan Malas li-al-nashr, 2002 (in Arabic)].

Annuario Pontificio. 1998. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 1998.

Ashdown A.W.H. *Christian-Muslim Relations in Syria. Historic and Contemporary Religious Dynamics in a Changing Context*. London–New York: Routledge, 2021.

Besenyó J. Christians in Syria and the Civil War. *Panorama of global security environment 2014*. P. Bátor, R. Ondrejcsák (eds.) Bratislava: Center for European and North Atlantic Affairs (CENAA), 2014. Pp. 219–230.

Brock S. The Syrian Orthodox Church in the modern Middle East. *Eastern Christianity in the Modern Middle East*. A. O'Mahony, E. Loosley (eds.) London–New York: Routledge, 2010. Pp. 13–24.

Chapman C. Christians in the Middle East – Past, Present and Future. *Transformation*. 2012. Vol. 29. No. 2. Special issue: Christian-Muslim Relations. Pp. 91–110.

Courbage Y. La population de la Syrie. *La Syrie au présent: reflets d'une société*. B. Dupret, Z. Ghazzal, Y. Courbage, M. Al-Dbiyat (eds.) Paris: Sindibad Actes Sud, 2007. Pp. 177–213.

De Vaumas E. La Structure Confessionnelle de la Population Syrienne. *Annales de Géographie*. 1955. T. 64. No. 341. Pp. 74–76.

Fahmi G. *The Future of Syrian Christians after the Arab Spring*. Florence: European University Institute, 2018.

Fargues P. Demographic Islamization: Non-Muslims in Muslim Countries. *SAIS Review*. 2001. Vol. 21. No. 2. Pp. 103–116.

Hazran Y. Emigration of Christians from the Arab Middle East: A New Reading. *The Journal of the Middle East and Africa*. 2019. Vol. 10. No. 3. Pp. 189–210.

Hourani A. *Minorities in the Arab World*. London–New York–Toronto: Oxford University Press, 1947.

Johnson T., Zurlo G. Ongoing Exodus: Tracking the Emigration of Christians from the Middle East. *Harvard Journal of Middle Eastern Politics and Policy*. 2013–2014. Vol. III. Pp. 39–49.

Kawakibi S. The Migration of Syrian Christians. *Middle East Institute*. 19.04.2010. <https://www.mei.edu/publications/migration-syrian-christians> (accessed: 22.01.2025).

Loosley E. Christianity and Islam in Syria: island of religious tolerance? *Christian Responses to Islam. Muslim-Christian relations in the modern world*. A. O'Mahony, E. Loosley (eds.) Manchester–New York: Manchester University Press, 2008. Pp. 162–174.

Al-Lubnaniyun wa-tawaifuhum. *Monthly Magazine*. 01.04.2013 [Ливанцы и их общины]. https://monthlymagazine.com/ar-article-desc_2772_ [The Lebanese and their communities (in Arabic)] (accessed: 15.03.2025).

McCallum F. Christian Political Participation in the Arab World. *Islam and Christian–Muslim Relations*. 2012. Vol. 23. No. 1. Pp. 3–18.

Mousalli H. The Christians of Syria. *Christian Communities in the Arab Middle East. The Challenges of Future*. A. Pacini (ed.) Oxford: Clarendon Press, 2005. Pp. 286–293.

O'Mahony A. Christianity in Wider Levant Region: Modern History and Contemporary Contexts. *Secular Nationalism and Citizenship in Muslim Countries. Arab Christians in the Levant*. Ed. K. Ellis. London: Palgrave Macmillan, 2018.

Open Doors International. Vulnerability Assessment of Syria's Christians. June 2013.

Pabst M. Power Struggle or Religious War? The Solfessionalisation of Conflicts in the Arab World: The Situation in Syria, Lebanon and Iraq. *Contemporary Conflicts and Value-Driven Policy*. G. Wahlers (ed.) Berlin: Konrad Adenauer Stiftung, 2015. Pp. 40–63.

Pinto P. Religions et Religiosité en Syrie. *La Syrie au présent: reflets d'une société*. B. Dupret, Z. Ghazzal, Y. Courbage, M. Al-Dbiyat (eds.) Paris: Sindibad Actes Sud, 2007. Pp. 323–358.

Population, total. Lebanon. *World Bank Group*. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=LB> (accessed: 15.03.2025).

Poujeau A. De l'art poétique pour politique. Le rituel funéraire des chrétiens du sud de la Syrie. *Archives de sciences sociales des religions*. 2015. No. 171. Pp. 139–163.

Rabo A. 'We are Christians and we are equal citizens': perspectives on particularity and pluralism in contemporary Syria. *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2012. Vol. 23. No. 1. Pp. 79–93.

Robson L. Recent Perspectives on Christianity in the Modern Arab World. *History Compass*. 2011. Vol. 9. Issue 4. Pp. 312–325.

Samman M. *La Population de la Syrie. Étude Géo-démographique*. Paris: O.R.S.T.O.M., 1978.

Siriani R. Syria. *Christianity in North Africa and West Asia*. K. Ross, M. Tadros, T. Johnson (eds.) Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018.

The Hierarchy of the Catholic Church. Current and historical information about its bishops and dioceses. <https://www.catholic-hierarchy.org> (accessed: 02.02.2025).

U.S. Department of State. *International Religious Freedom Report*. 2007. Lebanon. <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2007/90215.htm> (accessed: 15.03.2025).

U.S. Department of State. *International Religious Freedom Report*. 2010. Syria. <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2010/148845.htm> (accessed: 02.02.2025).

Van Dam N. *The Struggle for Power in Syria. Politics and Society under Asad and the Ba'th Party*. London–New York: I.B. Tauris, 2011.

White B. *The Emergence of Minorities in the Middle East: The Politics of Community in French Mandate Syria*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

World Christian Database. <https://www.worldchristiandatabase.org/> (accessed 01.03.2025).

World Council of Churches. A Handbook of Churches and Councils: Profiles of Ecumenical Relationships. H. van Beek (comp.) Geneva, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОКОВ Тимофей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Timofey A. BOKOV, PhD (History), Associate Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.